

*Е. А. Климович
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ЭСТЕТИКА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ СВИДЕТЕЛЬСТВЕ

Человеческая цивилизация не развивается в такт с победами науки и техники.

Гао Синцзянь

Исторические потрясения и перипетии естественным образом обусловили трагическое мировосприятие в гуманитаристике XX столетия. Философско-эстетическое осмысление катастрофического опыта преступлений против человечности, а также парадигматические сдвиги в картине мира, вызванные ускорением и виртуализацией реальности, приводят к появлению термина исчезновение (П. Вирильо, Ж. Рансьер, Ж.Л. Деотт, А. Бросса). Данная междисциплинарная категория становится краеугольным камнем новейших исследований в гуманитарных науках. Именуя современность «эпохой исчезновения», французские философы Ален Бросса и Жан-Луи Деотт намечают новый вектор рефлексии об исторических и социокультурных реалиях мирового сообщества [4]. Эстетизация исчезновения обогащает мировую культуру, в частности литературу, новыми жанровыми формами и способами репрезентации. Парадигма исчезновения определяется совокупностью философских, методологических и аксиологических установок, призванных отразить эстетику и проблематику исчезновения в художественном тексте.

Эстетика исчезновения оказывает все возрастающее влияние на искусство слова. Произведения современных авторов становятся носителями и проводниками памяти. Об этом красноречиво свидетельствует присуждение Нобелевской премии по литературе в 2014 году французскому писателю Патрику Модiano «за искусство памяти, посредством которого он раскрыл самые непостижимые человеческие судьбы и представил время оккупации». Память в современном мире, полагает П. Модiano, изменчива и фрагментарна, она призвана бороться против забвения (теряющихся следов и ускользающих судеб), в том числе и посредством художественной литературы. В нобелевской лекции П. Модiano говорит о тесной связи исчезновения, идентичности, времени и простран-

ства больших городов, в которых люди «могли внезапно исчезнуть, не оставив никаких следов, даже с друзьями приходилось недоговаривать, а разговоры никогда не бывали откровенными, потому что все ощущали витающую в воздухе угрозу» [5].

Белорусская писательница Светлана Алексиевич в своей нобелевской лекции «О проигранной битве» также затрагивает тему исчезновения: «Больше всего женщины говорят об исчезновении, о том, как быстро на войне все превращается в ничто. И человек, и человеческое время» [1]. Нобелевская лауреатка 2015 года обращается к вопросам памяти и свидетельства: «Сразу после войны человек бы рассказал одну войну, через десятки лет другую, конечно, у него что-то меняется, потому что он складывает в воспоминания всю свою жизнь. Всего себя. То, как он жил эти годы, что читал, видел, кого встретил. Во что верит. Наконец, счастлив он или не счастлив. Документы – живые существа, они меняются вместе с нами» [1]. Действительно, художественное воплощение исчезновения проблематично: необходимость свидетельства, с одной стороны, и невозможность словесного описания катастрофы, с другой, приводят к фрагментации и деконструкции текста.

Литературное свидетельство возникает в XX веке как закономерная реакция на трагические события современности – мировые войны, лагеря, геноцид. Массовые преступления против человечности, бесследное исчезновение безвинных жертв, замалчивание и сокрытие фактов побуждают выживших рассказать миру правду. Человечество, по справедливому наблюдению Аннет Вивьерки, вступает в «эру свидетелей» [6].

«Писателю лучше всего выступать в качестве свидетеля и как можно точнее описывать истину», – утверждает Гао Синцзянь в Нобелевской лекции «Право литературы на существование» (2000 г.) [2]. Китайский писатель, говоря о мировой литературе, выступает против стремления приукрасить аутентичную реальность художественным вымыслом, против политизации и национализма: «Я отнюдь не хочу сказать, что литература равняется простому описанию действительности. Мы должны понять, что показания свидетелей в описании действительности дают очень немного, тогда как мотивы, стоящие за поступками и событиями, чаще всего остаются тайными. Но когда литература соприкасается с истиной, она может, ни о чем не умалчивая, показать, что сокрыто в сердце человека, и проследить за событиями, вследствие этого произошедшие. Вот какой силой обладает литература при условии, что писатель раскрывает истину о бытии человека, ничего не придумывая от себя» [2].

С точки зрения этики и правомерности, литературное свидетельство стремится раскрыть истину. Ведь в основе любого свидетельства неизменно присутствует юридическая составляющая, обязывающая «говорить правду и ничего, кроме правды». Возможно, правду субъективную, но без излишней патетики: свидетель сознательно пытается дистанцироваться от излагаемых событий, отказываясь выступать исключительно в роли жертвы либо мстителя. Гао Синцзянь настаивает на включении этического элемента при определении литературной ценности произведения и полагает, что «истина – несомненно, самое фундаментальное качество литературы» [2].

Одним из первых свидетельств о Холокосте становится роман Примо Леви «Человек ли это?». Парадоксально, что вопрос автора относится как к палачам, так и к жертвам. Тем самым расширяются границы катастрофы, а читателю предлагается вновь задуматься над трагедией человечества.

Признание невыразимости исчезновения, невозможность вербализовать трагические события и объяснить собственное спасение приводят к мифологизации. В трактовке Жана Кейроля спасенный Христом Лазарь становится метафорой не только отдельных людей, выживших в концентрационных лагерях, но и всего человечества в целом. Предложенное Ж. Кейролем определение «лазарев» распространяется не только на литературу, но также и на искусство, критику, философию, политику [3]. Лазарева литература призвана преодолеть молчание смерти и свидетельствовать о воскрешении человечества.

Поэтике литературного свидетельства присущи деперсонализация, дереализация и дезориентация. Действительно, исчезновение влечет за собой кризис идентичности, стирает грань между реальным и фиктивным, разрушает временные и пространственные ориентиры.

Таким образом, исчезновение находит художественное воплощение как на содержательном, так и на формальном уровнях текста. С точки зрения текстуализации катастрофического опыта, литературное свидетельство сталкивается с двумя основными парадоксальными по своей сути ограничениями: невозможностью вербализовать пережитое, с одной стороны, и табу на молчание, с другой.

Литература

1. Алексиевич, С. О проигранной битве. Нобелевская лекция [Электронный ресурс] / С. Алексиевич // Nobelprize.org. Official web site of the Nobel Prize. –

Режим доступа: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ru.html. – Дата доступа: 05.11.2019.

2. Гао, С. Право литературы на существование. Нобелевская лекция [Электронный ресурс] / С. Гао // Журнальный зал. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2001/10/pravo-literatury-na-sushhestvovanie.html>. – Дата доступа: 07.11.2019.

3. Cayrol, J. Oeuvre lazaréenne / J. Cayrol. – Paris: Seuil, 2007. – 1040 p.

4. L'époque de la disparition. Politique et esthétique / Sous la direction de Alain Brossat et Jean-Louis Déotte. – Paris: L'Harmattan, 2000. – 344 p.

5. Modiano, P. Conférence Nobel [Ressource électronique] / P. Modiano // Nobelprize.org. Official web site of the Nobel Prize. – 2015. – Mode d'accès: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2014/modiano-lecture_fr.html. – Date d'accès: 01.10.2019.

6. Wiewiorka, A. L'Ère du témoin /A. Wiewiorka. – Paris: Plon, 1998. – 189 p.

*М. А. Исаченкова, Э. С. Лешик
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)*

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ КОРЕЙСКОГО ПАНТЕОНА (НА ПРИМЕРЕ ИМЕНИ ХВАНИН 桓因, 환인)

«Известно, что китайские, корейские и японские источники донесли до нас массу корейских имен и названий, смысл и звучание которых скрыты от современного исследователя барьером китайской иероглифической письменности. Этимология и исконное звучание древнекорейских слов, записанных китайскими иероглифами, остаются в подавляющем большинстве случаев нераскрытыми и неясными» [2, с. 9]. Исследования в этом направлении могут помочь в решении многочисленных вопросов, касающихся происхождения языка, этноса, культуры корейцев. Одной из перспективных областей нам видится изучение имен персонажей древнекорейского пантеона.

Центральное место в корейской мифологии занимает миф о Тангуне, которого корейцы считают своим прародителем и основателем первого корейского государства. Мы остановимся на образе верховного божества Хванина, немногочисленные сведения о котором известны только по этому мифу.